

О ЗНАЧЕНИИ СИМВОЛОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В. Н. ВАРИЧ

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В конце XIX века американский философ и логик Ч. С. Пирс сформулировал общие принципы и основные понятия специальной отрасли философского и логического знания, исследующей знаки и знаковые системы, – семиотики. С тех пор изучением знаков и их видов, роли знаков и символов в жизни отдельного человека и общества занимались представители различных наук. Исследования знаков предпринимались и предпринимаются в рамках искусствоведения (Р. Барт, Ю. Лотман), математики и логики (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Р. Карнап), философии и культурологии (Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Фуко), лингвистики и сравнительного языкознания (Й. Йохансен, С. Ларсен, В. В. Иванов). Сам термин «семиотика» имеет два основных значения: во-первых, семиотика – это общая теория знаков; во-вторых, это наука об общих свойствах знаковых систем. Поскольку знаковые системы присутствуют во всех видах человеческой деятельности, постольку изучение знаков и такой их специфической разновидности, как символы, является весьма актуальной темой исследования. В информационном обществе актуальность темы еще увеличивается, так как современный человек живет в постоянно возрастающем информационном потоке. Средства массовой информации произвольно или непроизвольно обращаются к тем свойствам знаков-символов, которые позволяют воздействовать на сознание и поведение аудитории. Поэтому понимание природы символов жизненно необходимо для собственной ориентации в предлагаемой с экранов телевизоров или с мониторов компьютеров информации, а также для конструктивного участия в коммуникации – как в непосредственном общении, так и в виртуальной среде.

В наиболее широком понимании знак – это некий материальный объект, которому в тех или иных условиях соответствует определенное «значение», то есть реальная или вымышленная вещь (группа вещей), явление, процесс, мифологическое или фантастическое существо, абстрактное понятие. Все обозначаемые знаком объекты составляют его денотат, знания о них – его концепт, а понимание субъектом сущности и свойств обозначаемых объектов образуют его смысл (сигнификат). Если в искусственных языках каждый знак, как правило, имеет единственный сигнификат, которому соответствует определенный денотат, то в естественном языке такого однозначного соответствия нет – один и тот же знак может иметь разные денотаты, либо, напротив, различные знаки могут соответствовать одному и тому же денотату. Функционально связанные знаки, их значения и смыслы, а также правила построения и трансляции сообщений образуют знаковую систему. В процессе коммуникации ее участники обмениваются значениями через общую систему знаков. Использование знаков в сообщениях невозможно вне пространства коммуникации (семиосферы), которое включено в определенный социально-исторический контекст: «человек живет в созданной им самим информационной среде – в мире предметов и явлений, являющихся знаками, в которых закодирована различная информация. Эта среда и есть культура» [1, с. 53].

По отношению к реальным объектам (свойствам, отношениям или процессам) значение знака всегда является абстракцией и обобщением: знак обозначает не конкретные предметы, а общее понятие о них, сложившееся в той или иной культуре. Поэтому еще философы Древней Греции обратили внимание на то, что в знаке взаимодействуют не две, а три стороны: помимо означаемого и означающего есть еще объект обозначения – те самые общие свойства и отношения, которые обозначаются знаком. Немецкий логик Г. Фреге в конце XIX века выразил эту тройственную природу знака формулой «денотат – концепт – знак» (логический треугольник), а американские ученые Г. Огден и А. Ричардс – формулой «слово – понятие – вещь» (семантический треугольник). Г. Фреге отмечает: «От значения и смысла знака следует отличать связанное с ним представление. Если значение знака есть чувственно воспринимаемый предмет, то мое представление о нем есть внутренний образ, возникший из воспоминаний о чувственных впечатлениях, которые я имел, и о действиях, как внутренних, так и внешних, которые я совершал» [2, с. 232].

Любой знак одновременно мотивирован и немотивирован (произволен). Так, слово языка произвольно в отношении предмета, который он называет, – слово «кошка» по-русски или *cat* по-английски не имеет никакой естественной связи с реальными кошками. Таким образом, кошки как особая разновидность животных могут называться разными словами в разных языках или синонимами в одном и том же языке. В большинстве случаев нельзя сказать, почему какой-либо предмет имеет такое, а не иное название. Поэтому, с одной стороны, немотивированность (произвольность) знаков имеет абсолютный характер, но с другой стороны, слово, обозначающее издаваемый кошкой звук, во всех языках похоже по звучанию на сам этот звук. В любом случае в человеческом сознании не существует понятий, для которых нет названий (имен), и в то же время нашему разуму доступны только те знаки, которые связаны с каким-либо понятием, поддающимся распознаванию. Чувственно-конкретное означающее (собственно, сам знак) является объективацией идеального, а значение представляет собой мыслительный эквивалент означающего.

Мотивированность знака может быть не только объективной, как в случае связи слова «мяу» и мяуканья кошки, но и субъективной, обусловленной не столько «соответствием» знака обозначаемому, сколько договоренностью между людьми. Противоречивая природа знака выражается также и в том, что он существует и как элемент знаковой системы, и как отдельный феномен. Эта двойственность знака обнаруживается при анализе языка в его существовании «здесь и сейчас» (синхрония) и в его развитии во времени (диахрония). В первом случае знак – это своего рода атом языка, во втором – это знак-символ, значение которого зависит от культурного и социального контекста и, соответственно, может изменяться. Поэтому можно утверждать, что знак в своем значении (содержании) неисчерпаем настолько же, насколько качественно многообразен тот предмет, который он замещает. Знак может иметь столько значений, сколько возникает социально-культурных контекстов его применения.

Поскольку знак обладает различными сторонами, свойствами и функциями, постольку существует множество классификаций знаков, однако к теме статьи имеет непосредственное отношение только одна из них, предложенная Ч. Пирсом.

По его мнению, выделяются три типа знаков, отличающихся определенным отношением означающего и означаемого [см.: 3, с. 185–186]. Первую группу составляют иконические знаки или знаки-иконы, для которых характерно подобие означающего и означаемого. Вторую группу образуют индексальные знаки или знаки-индексы, основанные на смежности (причинно-следственной, пространственно-временной или иной) означающего и означаемого. Третья группа – это знаки-символы, не имеющие выраженной связи между означающим и означаемым, основанные на конвенции. Знаки-символы формируются в процессе семиозиса, на одной из ступеней которого появляются мотивированные знаки, а на другой – немотивированные. Связь означающего и означаемого в мотивированных знаках так или иначе обусловлена и потому объяснима, в то время как знаки-символы объективно не мотивированы. Иначе говоря, и в процессе онтогенеза, и в ходе филогенеза возникновение в сознании знака и знаковых отношений между предметом, его отражением в сознании и формой знака происходит в направлении увеличения условности (конвенциональности) знаков.

Знак-символ не совпадает с предметностью обозначаемого ни структурно, ни функционально, однако делает возможным выражение идеи предметности в осязаемом образе: «... символ обслуживает общепознавательную необходимость осуществлять знаковую кодировку (шифровку) предметности (отсюда – символизация), нацеленную на образное замещение многообразных содержательных отношений» [4, с. 303]. По определению Ч. Пирса, символ есть «знак, который отсылает к обозначаемому им Объекту в силу закона, обычно – ассоциации общих идей, действующего так, чтобы заставлять нас интерпретировать Символ как отсылающий к этому Объекту» [3, с. 186]. Как и любой знак, символ обладает такими характеристиками, как заместимость, образность, презентативность и значимость. Однако в сравнении со знаками-иконами и знаками-индексами символ обладает и собственными отличительными характеристиками. В. В. Ильин и его соавторы выделяют такие особенности символа: *надситуативность* – символ не является простой знаковой фиксацией предметов, свойств или отношений, а воплощает их идеальный образ; *самонетождественность* – символ всегда является выразителем другого, а не самого себя; *полиморфность* – символ может представлять идею в различных предметных выражениях, позволяет «узреть в материальных формах ценностно-образное» [4, с. 310]; *иносказательность* – символ не просто обозначает предмет, а выражает некие идеи и смыслы, с ним связанные; *герменевтичность* – фактически любой предмет может приобретать символическое значение; *контемплиционность* – восприятие символа не тождественно чувственному восприятию предмета, оно представляет собой духовное созерцание связанных с ним смыслов; *интерактивность* – символы являются таковыми только в актах коммуникации; *трансреальность* – символ осуществляет перевод абстрактного в конкретное, частного – в типическое; *надындивидуальность* – знак только в том случае становится символом, когда персональный образ приобретает значение для других; *выразимость* – в символе мысль воспринимается через конкретно-чувственную форму; *многозначность* – толкование символа зависит от культурного контекста [4; 5].

Указанные признаки символов в максимальной степени проявляются в символических системах, для каждой из которых свойственно еще и появление эмерджентных системных символаобразующих характеристик. Так, к примеру,

каждое христианское таинство совершается с использованием различных символических предметов, но его общий символический и сакральный смысл не сводим ни к одному из них, сколь значимым он не представлялся бы участникам этого действия. Поскольку символы являются знаками, постольку символическая система представляет собой язык – в самом широком понимании этого слова. Практически все созданные человеком материальные, институциональные и духовные системы могут рассматриваться как языки, выполняющие две важнейшие культурные функции (В скобках следует отметить, что функции языка к ним не сводятся). Одной из них является коммуникация – язык обозначает реальность, связывает чувственно-конкретное с абстрактно-понятийным, объективирует формы и законы мышления. Не менее значимой является творческая функция языка – символические системы образуют культурные пространства (семиосферы), в которых складывается однотипное понимание и означивание мира людьми, а способы понимания становятся основаниями для придания значения и оценивания различных явлений собственной жизни и окружающего мира.

Символическая система, как и любая знаковая система, образует текст – многосмысловую структуру, способствующую рождению новых смыслов и образующую пространство знакового общения людей. Текст – это и одна из форм коммуникации, и посредник в коммуникации, поэтому изучение текста позволяет понять культуру в ключе ее пространственно-временной организации, то есть дискурса. Интерпретация символов, придание им того или иного смысла, в свою очередь, детерминируется культурой. Культура не является монолитным образованием – в ней есть субкультуры, объединяющие представителей различных социальных групп. В каждой субкультуре символы трактуются по-своему (можно сравнить грим белого цвета в субкультуре готов или во внешнем облике клоунов). Еще более различные толкования могут иметь символы в национальных культурах, в различных регионах и в различные исторические эпохи. В силу этого можно говорить о том, что каждая культура придает символической системе определенную совокупность значений, которая называется кодом культуры. Потребность в нем появляется тогда, когда происходит переход от мира сигналов (знаков-индексов) к миру смысла: если в первом единицы языка можно описывать математическими и логическими методами, «мир смысла – это значащие формы, организующие связь человека с миром информации, с миром идей, образов и ценностей данной культуры» [6, с. 135].

Символы и символические системы вместе с неязыковыми знаками образуют семиотический континуум, в котором действуют единые взаимозависимости между разными свойствами знаковых систем. В этом пространстве коммуникации понимание символов зависит от знания культурных кодов, которое позволяет индивидууму «порождать правильные культурные «тексты», имеющие смысл для носителей данного культурного языка, и понимать предлагаемые ему «тексты», оценивая их как правильные или неправильные, осмысленные или бессмысленные, трафаретные или новаторские» [7, с. 156]. В современном обществе семиотический континуум постоянно расширяется, обнаруживая противоположные тенденции развития, – с одной стороны, происходит унификация культурных кодов, обусловленная процессами глобализации, а с другой стороны – происходит фрагментация пространства общения, связанная с переходом от жестко структурированной культуры модерна к сетевым структурам общества постмодерна. В первой существовали фиксированные нормы и единый

смысловой центр, по отношению к которому культурные различия имели второстепенный характер. В культуре постмодерна такого центра нет, она является сетевой разрастающейся горизонтальной структурой, в которой исходные различия автономны и самодостаточны, а общих для всех участников коммуникации картин мира практически нет. Вместе с тем культурное пограничье теперь означает не географическое, политическое или иное «соседство», а (если развить метафору) проживание в коммунальной квартире, где даже при отсутствии общих интересов, целей и ценностей избежать общения невозможно. В таких условиях символ, выражающий и закрепляющий культурную идентичность, может выполнять двойную роль – выступать в роли эпистемологического проводника, транслирующего ценности и нормы в рамках какого-либо культурного сообщества, но в то же время и выполнять деструктивную роль, когда трансляция вызывает неприятие и отторжение со стороны тех участников межкультурной коммуникации, которые образуют другое культурное сообщество с собственным самосознанием.

Литература

1. Кармин, А. С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы / А. С. Кармин // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 52–60.
2. Фреге, Г. Логика и логическая семантика / Г. Фреге // Сборник трудов. – Москва : Аспект-Пресс, 2000. – 512 с.
3. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения: пер. с англ. / Ч. С. Пирс – Москва : Логос, 2000. – 448 с.
4. Ильин, В. В. Символ и знак: сравнительный анализ / В. В. Ильин, И. О. Куренков, С. О. Рамазанов // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 3. – С. 303–314.
5. Ильин, В. В. К понятию символа / В. В. Ильин, И. О. Куренков // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2.
6. Степанова, Н. И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты / Н. И. Степанова // Идеи и идеалы. – 2012. – № 1 (11). – С. 130–136.
7. Филимонов, С. Л. Символ и его роль в коммуникации / С. Л. Филимонов // Философия и общество. – 2000. – № 4(21). – С. 154–158.

В статье производится анализ знаков и знаковых систем, рассматриваются особенности символа как разновидности знака, раскрывается роль символов в общении и их значение в современной межкультурной коммуникации.

The article analyzes signs and sign systems, examines the features of a symbol as a kind of sign, reveals the role of symbols in communication and their significance in modern intercultural communication.